
**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ТЕОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА
В МИРОВОМ И РОССИЙСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ.
МАТЕРИАЛЫ «КРУГЛОГО СТОЛА» СОТРУДНИКОВ
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ***

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

15 сентября 2009 г. на факультете гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов был проведен «круглый стол»: «Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях». Заседание «круглого стола» было подготовлено кафедрой сравнительной политологии РУДН в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009—2010 гг. (проект РНП.2.1.3/6045 «Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях»).

Ключевые слова: гражданское общество, политическая модернизация, демократизация, политический процесс.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ДОКЛАДЧИКОВ

Ю.М. Почта
Гражданское общество и демократизация
в мусульманском мире

Множество форм перехода к демократии в конце XX и в начале XXI века на постсоветском пространстве, в Латинской Америке, Азии и Африке способствовало возникновению у политиков и ученых стремления рассматривать концепцию гражданского общества в качестве модели, позволяющей объяснить особенности процесса модернизации.

Считается, что формирование современного гражданского общества связано с демократизацией, так как оба процесса ограничивают доминирование государства. Если гражданское общество недостаточно развито, то государство оказывает его «внешней формой» (А. Грамши). В условиях развитого гражданского общества его отношения с государством носят сбалансированный характер.

Демократию как власть народа (большинства) можно объявить, оговорив ее в конституции и избирательных законах. С гражданским обществом все намного сложнее, так как оно характеризует способность общества к самоорганизации и наличие в нем целого ряда свобод и этических оснований, прежде всего представления о справедливости.

* Круглый стол проведен в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009—2010 гг. (проект РНП.2.1.3/6045 «Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях»).

Гражданское общество не может быть перенесено из другой социальной среды, оно должно вырасти (ему можно помочь вырасти) на основе собственной культуры. При слабости гражданского общества происходит расширение полномочий государства, обычно за счет прав и свобод граждан. Но не стоит идеализировать сам по себе институт гражданского общества, так как, объединяясь и организуя совместную деятельность, люди могут стремиться к достижению как положительных (демократических), так и отрицательных (узкогрупповых — мафиозных, экстремистских) целей.

На изучение и практическую реализацию этого процесса в мусульманском мире до сих пор сильное влияние оказывает отождествление института гражданского общества с западной постхристианской цивилизацией, с либеральной политической культурой. По отношению к иным цивилизациям, в частности исламской, ряд западных авторов высказывает мнение о полном отсутствии гражданского общества (Э. Геллнер).

Такой западоцентричный подход не способен найти ответ на вопрос о существовании гражданского общества в обществах иных цивилизаций. Здесь нужен цивилизационный анализ культурных контекстов модернизации, формирования рыночной экономики, демократических политических режимов и гражданского общества.

Ключевым в этих условиях становится вопрос о совместимости ислама и демократии.

Сторонники положительного ответа на этот вопрос исходят из того, что следует отказаться от модернистской европоцентричной картины всемирной истории, трактованной как линейная, однонаправленная, прогрессивная. Они более склонны к постмодернистскому подходу к истории, стремящемуся преодолеть европоцентризм и подчеркивающему значимость духовных основ человеческого бытия, дающему возможность представления единства человечества не через унификацию, а через коммуникативное различие, через диалог культур и цивилизаций. В философском мышлении это проявляется в отказе от универсальной формы рациональности и в признании существования различных национальных традиций в истории философии.

Диалог различных культур оказывается возможным через признание их существенной специфичности. Такое (постмодернистское) видение истории общества и культуры способствует также преодолению устоявшихся стереотипов, выражающихся в противопоставлении мусульманского Востока христианскому Западу, воинственных мусульман и миролюбивых христиан, веры и разума, традиционализма и модернизма.

Высказывается точка зрения о том, что демократическое развитие имеет много форм, так как каждая культура способна создавать собственную модель демократического режима. Предполагается также, что может существовать религиозная демократия, в том числе исламская, не совпадающая с западным либеральным образцом (Д. Эспозито). Демократия уже существует в мусульманском мире, будучи реализована посредством таких концепций традиционного ислама, как шура (консультации), иджма (консенсус) и иджитihad (независимое авторитетное истолкование).

Ряд исламских теоретиков и политиков можно отнести к сторонникам представления об исламской демократии (М. Икбал, Хасан аль-Тураби, Али Шариати, Мухаммад Хатами). Они полагают, что ислам создает условия для соединения демократии с духовностью. Существует также исламская концепция «теодемократии» (Абу аль-Маудуди).

Западные критики такого подхода обвиняют своих оппонентов в том, что они релятивизируют понятие демократии и одновременно искажают реальное содержание исламских концепций шура, иджма и иджтихад, подгоняя их под современные реалии. Они утверждают, что концепция исламской демократии, в которой суверенитет бога фактически исключает суверенитет народа, является антитезой секулярной концепции западной демократии. Кроме того, они убеждены, что мусульманское право, чье верховенство предполагается над всеми сторонами жизни общества, не может обеспечить равенство всех граждан перед законом независимо от религиозной и половой принадлежности. В качестве примера часто приводится Иран, в котором, по мнению критиков исламской демократии, исламисты сдерживают демократические процессы и уничтожают гражданское общество.

Два важнейших актора мировой политики — США и ЕС — полны желанием способствовать процессу перехода мусульманского мира (особенно арабских стран) от авторитаризма к демократическим формам правления. Ни Китай, ни Россия, активно развивающие отношения со странами мусульманского мира, не проявляют какой-либо активности в этом направлении.

В постсоветский период Запад, столкнувшийся с таким препятствием глобализации, как неразвитость социально-экономической жизни и авторитаризм мусульманского мира, ищет способы помощи в ускорении модернизации, включая демократизацию и создание гражданского общества. Во многих странах мусульманского мира существуют демократические режимы, хотя зачастую они прикрывают авторитарное правление.

Запад может помочь быстро организовать и провести выборы в мусульманской стране, но они мало что решают. Они даже могут ухудшить ситуацию, усиливая позиции фундаменталистов, так как они обычно лучше организованы и граждане не способны принять полностью ответственные избирательные решения.

Вместо этого необходимо достижение более простых целей: политического участия, господства права (включая независимый суд), свободы слова и религии, права собственности, прав меньшинств и права создавать добровольные организации (особенно политические партии). То есть необходимо побуждать создание гражданского общества в мусульманских обществах. Выборы в этом контексте являются не началом демократического процесса, но его финалом, сигналом о том, что гражданское общество уже создано (Д. Пайпс).

Европейский Союз исследует возможности и последствия европейского сотрудничества с умеренными исламистами по продвижению демократии в ближневосточном регионе.

Считается, что главным препятствием на пути реформ являются нынешние авторитарные режимы, которые пытаются уклониться от подлинных демократических преобразований. Вместе с тем политическая реформа не может быть дей-

ственной без интеграции умеренных исламистов этот процесс. Подход ЕС к политической реформе в регионе Ближнего Востока состоит в том, что при ее проведении необходимо учитывать реальное положение дел на местах. А реальная ситуация такова, что политическая реформа не может быть эффективной без постепенной интеграции в нее ненасильственных исламских групп.

Чтобы снизить риски, взаимодействие с политическим исламом должно быть частью более широкой стратегии ЕС по продвижению демократии в регионе. Исламисты ожидали бы от Европы поддержки в проведении политических реформ, которые позволили бы обеспечить подлинное представительство воли народа мирными средствами.

Одна из рекомендаций заключительного доклада о стратегическом партнерстве ЕС со странами средиземноморья и Ближнего Востока призывает к сотрудничеству ЕС «с ненасильственными политическими организациями и движениями гражданского общества на всех уровнях общества, к сотрудничеству, открытому для всех организаций, приверженных ненасильственным и демократическим средствам» [8]. Это положение открывает возможности для взаимодействия ЕС с умеренными исламистскими группами, которые используют не насилие, а мирные средства для достижения своих целей.

На протяжении почти десяти лет ЕС осуществляет различные инициативы как на государственном уровне, так и на уровне арабского гражданского общества. Цель этих инициатив состоит в создании развитого, процветающего, мирного и безопасного региона. Достижение этой цели позитивно отразится на решении реальных проблем в самом ЕС: безопасность, иммиграционные проблемы, демографические изменения, организованная преступность и терроризм.

Чтобы избежать восприятия своей деятельности как вмешательства во внутренние дела государств, структуры ЕС большое внимание уделяют постепенности, работе в рамках существующих институтов, акценту не на смене политических режимов, а реформам изнутри, активным консультациям с «нашими партнерами» и координации с США, ООН и другими внешними субъектами. Когда речь идет о столь важном для населения вопросе о демократии, используются понятия, которые больше относятся к господству права и правам человека.

Разумеется, существует и обеспокоенность по поводу участия исламистов в процессе политической реформы.

Ряд европейских политиков выступают за их исключение или сдерживание в целях поддержания стабильности в регионе. Они полагают, что исламисты не являются подлинными демократами и лишь используют демократические возможности, чтобы выиграть выборы, используя религиозные чувства своих избирателей-мусульман. Придя к власти, они будут использовать законодательный процесс, чтобы изменить правила игры и ограничить социальные и личные свободы. Политические режимы под руководством исламистов представляют собой угрозу для отношений с Западом и к миру в регионе. Поэтому на этом этапе четко следует проводить различие между воинствующими и умеренными исламистами, которые привержены к отказу от насилия и к конституционным и законным средствам.

Первые, безусловно, составляют меньшинство среди исламистских организаций и не пользуются большим признанием, а вторые представляют собой большинство и определяют основные тенденции в исламских движениях.

Не менее масштабные задачи стоят и перед российским обществом в деле интеграции мусульман в постсоветскую структуру государства, бизнеса и гражданского общества.

Государственно-правовые аспекты политического ислама достаточно детально изучены в работах ряда российских ученых (А.А. Нуруллаева, Р.Г. Абдулатипова, А.В. Малашенко). Они уделяют большое внимание правовому регулированию отношений между государством и исламом, между исламскими духовными центрами, социальной доктрине ислама, влиянию ислама на национальные отношения, борьбе с экстремизмом и терроризмом, использующим исламские лозунги.

Вместе с тем наиболее последовательной и, несомненно, дискуссионной является позиция одного из наиболее авторитетных и квалифицированных специалистов в этой сфере Л.Р. Сюкияйнена. Он не только предлагает использовать нравственный и политический позитивный потенциал ислама в развитии российской светской государственности и институтов гражданского общества, но и использовать мусульманское право в законодательстве ряда субъектов Российской Федерации для регулирования мирских отношений между мусульманами.

Тем самым он отказывается от популярного тезиса о том, что политизация религии чужда традиционному российскому исламу и он должен ограничиваться, как и другие конфессии, сферой благотворительности и милосердия, духовно-нравственного воспитания населения. Мусульманское право способно определять правовые рамки и служить критерием справедливости политической деятельности мусульман.

Л.Р. Сюкияйнен полагает, что существующая тенденция поддержать российский ислам без шариата приведет к тому, что шариат будет монополизирован радикалами. По целому ряду причин в постсоветский период развития России ислам еще не стал органичным элементом социально-политического и нравственного преобразования общества. Политико-правовая культура ислама мало известна россиянам, воспринимающим ислам как духовность и политическую силу, несущую угрозу обществу. Пока еще не сформирована четкая и последовательная позиция государства по отношению к политико-правовым основам ислама. Государство преимущественно в лице правоохранительных органов и силовых структур чаще всего с опозданием реагирует на политические проявления ислама, воспринимая их как заведомо подозрительные и опасные.

В общественном сознании роль ислама в политике связывается с радикализмом и терроризмом, хотя основная масса мусульман и умеренных исламских руководителей и организаций политически пассивна, а политический облик ислама определяют оппозиционные и экстремистские лидеры и организации, пытающиеся монополизировать ислам.

Сложнейшая задача, стоящая перед российским государством и обществом, состоит в том, чтобы перейти от бесперспективного вытеснения ислама из поли-

тического процесса к поиску способов использования позитивного духовного и институционального потенциала ислама для развития демократического светского политического режима, укрепления государства и права, развития гражданского общества.

Наряду с жестким правовым и силовым противостоянием экстремизму и терроризму, использующим исламские концепции, необходимо создавать исламскую же духовную альтернативу этим явлениям, способствующую сохранению и укреплению конституционного строя России. Это должны делать сами мусульмане, используя принцип *иджихада* как одного из ключевых понятий исламской правовой доктрины.

Чтобы разработать долгосрочную политику в отношении ислама, полагает Л.Р. Сюкияйнен, государство должно исходить из четких принципов, в частности, следует констатировать, что оно считает возрождение ислама фактором стабильного развития страны, видит в исламской культуре (в том числе политической и правовой) важную составляющую часть жизни российского общества и государства. Исламские ценности — не угроза национальным интересам и безопасности России, а ее потенциальное богатство.

М.М. Мчедлова

Гражданское общество и проблема доверия

Возможность эффективного функционирования публичной сферы напрямую связано со степенью развитости гражданского общества, зависит от наличия субъектов целеполагания, способных выступить интеракторами с государством по вопросу согласования общественных интересов. При этом ключевым становится вопрос общественной солидарности, поскольку от степени готовности населения к формированию гражданских и политических структур зависит степень вовлеченности населения в общественный процесс.

Четкое осознание и консолидация на основе своих интересов, традиций и общих ценностей предопределяет возникновение и возможности тех социальных действий, которые составляют основу гражданского общества. Таким образом обеспечивается участие общества в политическом процессе, поиск оптимального соотношения публичного, понимаемого как интересы общества в целом, и частного, для сопряжения последних в процессе их агрегации в общенациональные.

Общественная солидарность может быть рассмотрена по различным основаниям, из которых остановимся на двух — доверие к политическим институтам, участие в политической жизни и межличностное доверие.

Первое положение акцентирует политическую субъектность общества, вопрос о готовности различных социальных групп использовать гражданско-политические механизмы для постановки и достижения целей.

Именно политическое участие как сознательно осуществляемая деятельность отдельных граждан, групп, партий, других социально-политических образований, влияющая на политико-властные отношения, характер и функционирование той или иной политической системы, управление государственными делами, формирование политической элиты на разных уровнях политической власти и на при-

знание ее легитимности, означает включенность человека в политический процесс и обуславливает его социальное поведение.

Проблема межличностного доверия демонстрирует не только возможность консолидации социальных групп на основании общих ценностей, но и параметры существования общественного консенсуса относительно базовых ценностей, что является интегративной основой общества.

Проблема доверия государственным и общественным институтам представляется одним из важнейших факторов, способствующих как структуризации социально-политической жизни, ее стабильности, так и эффективности взаимодействия общества и власти. Чем выше уровень доверия к институтам, тем выше вероятность, что в необходимых случаях к ним будут апеллировать для улучшения ситуации, не стремясь их разрушить. Одновременно, следует поставить вопрос об универсальности институтов, акцентируя внимание на невозможности институциональной самодостаточности, поскольку для их эффективности нужны не только формальные признаки, но и учет социо-культурного и социо-политического контекста.

Наибольшее доверие россияне выказывают верховной власти, армии и церкви, только эти институты преодолевают 50% барьер уровня поддержки. Примечательно, что среди институтов гражданского общества церковь обладает наибольшим авторитетом; вероятно, она воспринимается не только как традиционный морально-нравственный авторитет или заступник в несчастьях, но и как политический актор. Остальные институциональные формы государственной власти и гражданского политического участия в глазах россиян не заслуживают большого доверия, как следствие, не представляются значимыми каналами артикуляции интересов и рычагами проявления социальных практик (табл. 1).

Таблица 1

Вы в целом доверяете или не доверяете следующим государственным и общественным институтам? Ответ: ДОВЕРЯЮ	Всего, %
Президенту России	63
Правительству России	54
Руководителю республики, губернатору Вашей области, края	36
Государственной Думе России	23
Совету Федерации	23
Политическим партиям	11
Милиции, органам внутренних дел	22
Федеральной службе безопасности (ФСБ)	39
Прессе (газетам, журналам)	26
Телевидению	35
Российской армии	50
Профсоюзам	18
Судебной системе	20
Церкви	51
Общественным организациям (правозащитным, экологическим, женским, ветеранским и т.п.)	30
Социальным службам (пенсионным фондам, органам социальной защиты, службам занятости и т.п.)	27
Общественной Палате	16

(См.: [13])

В то же время обращает на себя внимание степень доверия, высказываемая населением общественным организациям — 30%. Они опережают многие институты законодательной и исполнительной власти, являющиеся структурообразующими для данного способа политической организации общества. Это позволяет говорить о диверсификации поля публичной политики и возникновении новых субъектов, способных выразить интересы непосредственно общества, уровень доверия к которым в условиях финансового кризиса повышается.

Однако следует подчеркнуть, что речь идет о частных интересах, по конкретным позициям, но их агрегация остается проблематичной в силу отсутствия механизмов и фундамента.

Поддержка социально-политических институтов верховной власти, церкви, армии россиянами может свидетельствовать о двух моментах: с одной стороны, можно говорить о воспроизведении специфической российской модели организации общества, традиционно выражаемой формулой «Самодержавие, Православие, Народность». С другой, в современных условиях, принимая во внимание тот высокий уровень легитимности, которым обладают данные институты, следует предположить, что поддержка населением обусловлена признанием конкурентоспособности подобной организации в современных условиях и связывание выхода из кризиса именно с этими институтами.

Межличностное доверие в России также находится на предельно низких значениях: 80% предпочитают быть излишне осторожными и совсем малый процент говорит о доверии большинству людей: также вера в Бога не добавляет россиянам веры в честность людей [12]. Это свидетельствует о большой атомизации российского общества, когда даже религиозные скрепы не способны преодолеть распад социальных связей.

В подобном контексте значительно повышается роль культурно-цивилизационных характеристик идентификационных параметров, для того чтобы «чувство общности» имело какое-либо основание. Ярким примером является значительное повышение в России количества причисляющих себя к определенной конфессии, причем число последователей конфессий значительно больше, чем число верящих в Бога.

Подобный распад социальных связей нивелирует возможность возникновения новой политической субъектности, связываемой с гражданскими структурами.

Отсутствие общественной солидарности, низкий уровень кооперации между людьми, социальная атомизация, связанные с ними отсутствие интереса к политике и недоверие к действенности политических и общественных форм артикуляции интересов сводят к минимуму вероятность возникновения гражданских субъектов целеполагания. Свертывание поля публичной политики, неимперативность основных принципов ее функционирования — толерантность, плюрализм, справедливость, общее благо — характеризует современную ситуацию, когда все перечисленное остается достоянием обществоведческого дискурса, но вымывается из политической практики.

В.Г. Иванов

**Вызов Сиэтла-99: к новой концептуализации
транснационального гражданского общества**

«Битва в Сиэтле» — одно из самых острых политических восстаний нашего времени. Действие развернулось на фоне сессии Всемирной торговой организации (т.н. Раунд тысячелетия), проходившей в Сиэтле (США) в ноябре—декабре 1999 г. На встрече планировалось начать переговоры по вопросам, вытекающим из договоренностей Уругвайского раунда (сельское хозяйство, услуги), а также подготовить рекомендации по перспективам деятельности ВТО с учетом решений предыдущих министерских конференций, в том числе по возможному включению в будущие переговоры новых сфер: проблем конкуренции, экологии, трудовых стандартов, инвестиций и др.

Раунд тысячелетия отражал принципиальные разногласия между развитыми и развивающимися странами, а также между США и ЕС. 50 тысяч протестующих заполнили улицы города, физически не допустив проведения в городе саммита ВТО.

Но мирная демонстрация протеста, направленная на остановку переговоров, быстро переросла в полнокровный мятеж, повлекший за собой введение в городе чрезвычайного положения. Для подавления бунта были привлечены силы Департамента полиции Сиэтла и Национальной гвардии США.

Важность этого прецедента для становления и конституирования нового типа гражданского общества трудно переоценить.

Это общественно-политическое событие открыло новое измерение гражданского общества. Оно привело к осознанию гражданского общества как становящегося все более транснациональным, так и все более отдаляющегося от того в значительной степени мифического представления о нем, предложенного неолиберальными политическими мыслителями и идеологами, которое доминировало в общественно-политической мысли последней четверти XX века. И неолиберальное, и постмодернистское понимание гражданского общества базировалось на представлении о его непримиримой оппозиции авторитарным политическим режимам (например, в бывших социалистических странах Восточной Европы, а также в рамках т.н. 3-й волны демократизации и др.).

Однако с 1990-х гг., с началом процесса глобализации, с появлением и широким распространением неправительственных организаций и новых общественных движений на глобальном уровне гражданское общество в качестве третьего глобального сектора, т.е. наряду с государствами и крупным транснациональным бизнесом (и в значительной степени находясь в оппозиции к ним), превратилось в важного игрока построения альтернативного социального и мирового порядка.

Неолиберальные реформы, основанные на принципах Вашингтонского консенсуса и инициированные в десятках стран в 1990-х гг. под девизом «Transformation is not alternative» (TINA), оказали большое влияние на государство, особенно в развивающихся странах, обусловили обострение социально-экономических противоречий и разрыв прежнего социального контракта во многих обществах. Это привело к новой активизации гражданского общества. Речь идет об объединении

людей (во многом стихийном) перед лицом новых осознаваемых вызовов и угроз, или, согласно модели Р. Коуза [1], для выявления и нейтрализации новых отрицательных «внешних эффектов» общими усилиями.

Если раньше было распространено мнение, что деятельность гражданского общества направлена на защиту от произвола государства и оно национально-ориентировано, т.е. существует в национальных границах, преимущественно автономно и поэтому всецело зависит от уровня развития политических институтов, то сейчас обращают на себя внимание два новых свойства современного гражданского общества:

1. *Активизация противодействия глобальному капитализму и отдельным аспектам глобализации.* Иными словами, гражданское общество все более мобилизуется на защиту общества от ряда негативных и даже открыто деструктивных глобализационных процессов, главенства рынка и репрессивных практик современного глобального капитализма. Образовался широкий спектр гражданских организаций, придерживающихся этих оппозиционных позиций.

Это новое движение получило в СМИ и политическом дискурсе название «антиглобализма», или «альтерглобализма», хотя и не исчерпывается им. «Антиглобалистское» движение, по сути, не является АНТИ-глобалистским, это всемирное движение за другую глобализацию, объединяющее противников капиталистического неолиберального реванша.

Это современное, по сути дела, глобалистское движение, которое было бы ошибочно путать с фундаментализмом или традиционализмом.

Все чаще в политологии встречается противопоставление 2-х проектов глобализации: «глобализация элит» и «глобализация по сценарию гражданского общества».

Антиглобалистское движение — не западный феномен, оно носит всемирный характер — и массовые акции, и массовые форумы, и низовые проявления движения характерны как для западных стран, так и для стран «третьего мира».

Становление этого нового гражданского общества началось в результате битвы в Сиэтле, именно там оно заявило о себе и привлекло к себе пристальное внимание. Вслед за уличными боями в Сиэтле в 1999-м события повторились в Праге в 2000-м, в Гётеборге и Генуе в 2001-м и т.д.

Именно благодаря многочисленным и масштабным столкновениям с полицией движение противников капиталистической глобализации завладело общественным вниманием, и их идеи вошли в глобальную повестку дня. С помощью таких масштабных акций протеста новое гражданское общество смогло, по выражению В. Тупикина, «прокричать на ухо обывателю» [14] некоторые свои конструктивные альтернативные предложения по поводу насущных глобальных вопросов: налогообложения (налог Тобина на финансовые спекуляции), приватизации (приватизация водных ресурсов в мире уже началась, альтермондиалисты надеются ей воспрепятствовать, предлагая иные варианты решения водной проблемы), борьбы с массовым обнищанием, загрязнением окружающей среды и т.д.

2. *Транснационализация.* За последнее столетие количество только тех структур гражданского общества, которые действуют на международной арене, вырос-

ло в 200 раз. Они обладают значительным экономическим весом. Из-за изменившегося характера своей деятельности, т.е. появления нового «фронта» деятельности, — оппозиции глобализации, гражданское общество все в большей степени преодолевает границы и национальные рубежи.

В этой связи следует отметить, что современное глобальное гражданское общество в своей значительной части преодолело зависимость от развитых государств и влиятельных международных организаций.

Быстрое развитие гражданского общества на глобальном уровне после крушения коммунизма было частью неолиберальной стратегии, связанной с Вашингтонским консенсусом. Институты глобального гражданского общества, многие неправительственные организации, имеющие глобальный охват деятельности, финансировались и управлялись архитекторами современной глобализации. Их поддерживают такие титаны глобального капитализма, как Всемирный банк, Международный валютный фонд, USAID, Фонд Форда, Евросоюз (последний распределяет через «неправительственные организации» более двух третей всех средств, направляемых им на всякие виды «помощи») и т.д.

Многие исследователи полагают, что «антиглобалистское» гражданское общество — это «другое», «неправильное», «несистемное» гражданское общество — оно (в лице организаций) не получает масштабной поддержки «сверху», т.е. от стран и институтов, традиционно поддерживающих транснациональные неправительственные организации и гражданские структуры и заинтересованных в продолжении и углублении текущих процессов глобализации.

Здесь можно отметить еще один важный аспект: транснациональное (глобальное) гражданское общество тесно связано с процессом транснационализации элит и выступает как обратная сторона этого процесса. Т.е. транснациональное гражданское общество все более оппозиционно настроено против транснациональной элиты, все в большей степени превращается из союзника в конкурента.

Как правило, крупные акции протеста вроде знаменитых сражений в Гётеборге и в Генуе в 2001 г., когда полиция открыла огонь боевыми патронами по демонстрантам, приурочены к саммитам европейской или мировой государственной и корпоративной элиты, и мобилизующим фактором для противников глобального капитализма являются скорее сами представители элиты, назначающие свою сходку в определенном городе и в определенное время.

Представляется важным определить социальный состав нового глобального гражданского общества. Ключевую роль, на наш взгляд, здесь играет «новый средний класс».

Эпоха глобализации породила новый средний класс, часть которого тождественна понятию транснациональной *субэлиты*. Часть его может сохранить прежние идентичности, часть — инкорпорировать новые космополитические ценности и идентичности (существует особое обозначение «*homo economicus*»).

По основным социально-экономическим критериям новый средний класс во всех странах находится в числе выигравших от общественных трансформаций последнего времени (особенно от глобализации), хотя его доля в каждом обществе различна. Этот средний класс соткан из противоречий: являясь одновременно

«глобальным» и «локальным», он включен в мировую систему взаимосвязей и привязан к национальным культурам, он пользуется современными технологиями, но страдает от трудностей повседневной жизни в «периферийной» стране.

Однако средний класс теряет политическое влияние по мере ослабления национального государства и форсирования процессов глобализации. Он не имеет даже контроля над собственной работой, собственным будущим — неустойчивость мировой экономики оборачивается для его представителей личными драмами.

Таким образом, благополучие среднего класса уязвимо и неустойчиво, и неустойчивость возрастает по мере развития глобализованного капитализма. Все более очевидными становятся проблемы и противоречия восторжествовавшей неолиберальной системы, и чем острее кризис, тем дальше расходятся пути элит и средних слоев. Средний класс подвергается *имплозии*: часть его сохраняет свои позиции или поднимается выше, часть — опускается ниже, теряя способность поддерживать уже достигнутый уровень.

В отличие от транснациональной буржуазии средний класс, даже в эпоху глобализации, не может полностью оторваться от своих корней. Его представители могут более или менее свободно перемещаться по миру в поисках работы, но они не могут так же свободно перемещать свою собственность, более того, чем большего они достигли, тем больше они привязываются к одному месту.

При всей стандартизации быт среднего класса отнюдь не однороден глобально. Все более очевидным среднему классу, как основе гражданского общества (в частности рядовым держателям акций), становится классовый интерес крупнейших ТНК и экономических акторов, что может привести к развитию конфликта между ними и дискредитации всей системы капиталистического «доверия», к которому так призывал Ф. Фукуяма. Пока система развивается успешно, средний класс может выполнять роль связующего звена между транснациональной элитой и обществом. Но в условиях кризиса или стагнирования, социальной деградации средний класс готов «предъявить счет» элитам от имени общества. В ряде стран основной конфликт разгорается между людьми, по выражению А. Паршева, стремящимися вывезти из страны все активы, а затем уехать, и теми, кто собирается в стране оставаться.

Неудивительно, что, казалось бы, традиционная опора господствующего класса, средний класс, может стать источником проблем, т.н. «антиглобализационные движения» (в Сиэтле, Праге, на форумах ВТО, или совещаниях в Давосе или демонстрации против империалистических войн) представляют собой преимущественно движение части среднего класса, повернувшейся против транснациональных элит.

Д. Кортен призывает средний класс солидаризироваться и активизировать политическую деятельность: «В данной ситуации мне кажется, что только гражданское общество может изменить процесс. Подобные встречи в ООН дают возможность для создания международного гражданского сообщества и интернационализации гражданского движения. Оно должно стать политической силой — чтобы люди получили назад власть, которую их правительства отдали бизнесу. Сейчас

задача общественных организаций — показать людям, что есть альтернатива нынешнему пути развития и что существующие институты власти можно и нужно сделать действительно подотчетными обществу» [2. С. 24].

Тем не менее, средний класс и пролетариат в современном мире не представляются нам надежными союзниками. Сопротивление реформам со стороны широких слоев населения и части среднего класса нередко канализируется популистскими политическими движениями.

Движение альтерглобалистов не едино, не унифицировано и не имеет общего «командования». Движение построено и продолжает строить само себя по сетевому принципу. Большую роль здесь играют Интернет и сетевые средства коммуникации (в этом смысле можно констатировать, что современное сетевое гражданское общество обусловлено достижениями т.н. информационной революции).

В него входят многочисленные специализированные группы, занимающиеся изучением/исследованием/борьбой против различных аспектов современного глобального капитализма — экологической, миграционной, образовательной политики, политики приватизации и др. По политико-идеологическим убеждениям это могут быть разные люди: анархисты, социалисты, левые лейбористы, неортодоксальные коммунисты, левые экологи, профсоюзники, леволиберально настроенные активисты некоторых НГО и пр.

Важным индикатором процесса консолидации нового гражданского общества является организация масштабных социальных форумов, получивших всемирную известность и уже заработавших значительный авторитет (например, Всемирный социальный форум, Европейский социальный форум).

Регулярно проводимые в разных регионах мира социальные форумы объединяют активистов многих социальных движений со всего мира, которые ищут альтернативу предлагаемой неолиберализмом модели глобализации, концентрируют значительные интеллектуальные ресурсы на выработку альтернативных вариантов решения глобальных проблем.

Количество участников ВСФ с каждым годом растет и уже превысило цифру в 100 000. Распространяется понимание того, что только пиара недостаточно, когда нужно превратить политические лозунги в конкретные политические результаты.

Отчасти такие форумы — это своего рода реванш левых партийных и профсоюзных бюрократий, которые с самого создания новых гражданских движений были отодвинуты в сторону, ведь протест альтерглобалистов был в значительной степени протестом нового поколения — не только против капиталистов, но и против «профессиональных борцов с капитализмом», против их застывших идей и методов.

Официально крупным левым партиям не разрешается участвовать в социальных форумах, поскольку само альтермондиалистское движение рождалось как протест вне старых партийных рамок, протест неформальный, живой, оппозиционный не только по отношению к традиционным и нетрадиционным правым, но и к традиционным левым партиям. Тем не менее, «новые левые», вне всяких со-

мнений, оказывают значительное влияние на повестку дня современного гражданского общества.

В свете вышеизложенного представляет значительный интерес новая работа известного филиппинского политолога Никанора Перласа «Формирующаяся глобализация: гражданское общество, культурная власть и принцип тройственности» [9]. Автор выявляет конкуренцию и конфликт между «глобализацией элит» — т.е. преимущественно элитарными проектами глобализации, — и проектами глобального гражданского общества. По его мнению, в настоящее время транснациональное гражданское общество возникает как третья глобальная сила (наряду с государством и крупным бизнесом) и формирует свое собственное видение будущего Земли.

«Долгое время шли дискуссии о «конце истории» и триумфе неолиберального капитализма. Выход на глобальный уровень влиятельного ГО, однако, означает начало новой истории, в которой вектор глобализации будет направлен на всеобщее благо», — полагает Н. Перлас.

Рост политических возможностей современного глобального гражданского общества, по мнению автора, был недавно продемонстрирован впечатляющим отклонением противоречивого секретного МСИ странами ОЭСР. В срыв подписания Многостороннего соглашения по инвестициям (МСИ) в апреле 1998 г. существенный вклад внесло также и общественное мнение в разных странах, и гражданское общество. Как пишет Н. Хомский, это «важное событие, которое следует тщательно рассмотреть в качестве урока: чего можно достичь с помощью «абсолютного оружия», заключающегося в организации народа и инициативе, идущей снизу, даже при чрезвычайно неблагоприятных обстоятельствах» [6. С. 235].

Гражданское общество, как отмечает Н. Перлас, присоединяется к государству и рынку как к ключевым институтам, определяющим процессы глобализации и устойчивого развития.

По всему миру десятки миллионов граждан и ресурсы объемом более триллиона долларов вовлечены в продвижение повестки дня гражданского общества. Некоторые глобальные институты гражданского общества крупнее многих институтов ООН. Однако гражданское общество не может полностью мобилизовать свои ресурсы и властные возможности, потому что на данный момент у него нет четкого осознания своей идентичности, целей и своего места в мире.

По мнению Н. Перласа, глобальное гражданское общество представляет собой преимущественно культурный институт, обладающий культурной властью, используя ее, гражданское общество продвигает свою повестку дня в политической и экономической сферах без утраты своей идентичности как культурного института. Это делает его сотрудничество с государством и рынком более эффективным.

Ключевая задача гражданского общества — добиться реализации принципа тройственности, что позволит малообеспеченным слоям населения, обществу в целом и экологии Земли получать дополнительную выгоду от процесса глобализации.

Тройственность означает критическую взаимозависимость между ключевыми институтами 3-х автономных сфер общества: гражданского общества в сфере культуры, государства в сфере политики и бизнеса в сфере экономики. В современных Филиппинах, как утверждает Н. Перлас, гражданское общество, государство и бизнес демонстрируют эффективность этого нового понимания гражданского общества, культурной власти и принципа тройственности принятием и применением программного документа «Филиппинской повестки дня 21».

Значительное влияние гражданского общества Филиппин на принятие решений в рамках «Филиппинской повестки дня 21» обусловлено как исторически сложившейся высокой активностью этого гражданского общества, так и его авторитетом, заслуженным сперва борьбой с диктаторским режимом Маркоса и репрессивным государством, а в дальнейшем — с глобализацией, порождающей неравенство и массовую бедность в стране.

Итак, Н. Перлас формулирует принцип тройственности общества: политика, культура, экономика. Специфическая сфера деятельности гражданского общества — поле культуры. Под культурой здесь понимается не искусство.

Используя терминологию американского социолога П. Рея, Н. Перлас подчеркивает значение т.н. «Cultural Creatives» — «создателей культуры», т.е. творчески мыслящих и социально активных людей из разных стран, которые понимают, ценят и защищают разнообразие человеческого и общественного бытия как от государственного диктата, так и от слепой монотонности экономической целесообразности. Они находятся в оппозиции к апологетам экономикоцентризма, вестернизации и «элитной глобализации». Это основные сторонники осуществления позитивных перемен и инициатив, особенно посредством гражданского общества, «создатели новой культуры». «Cultural Creatives», как отмечает Н. Перлас — социально активные люди, которые своими путями пришли к своим гуманистическим ценностям, они накопили драгоценный опыт, участвуя в широком спектре социальных движений за последние 50 лет. Сюда входит широкий спектр активистов прогрессивных и гуманистических движений: за охрану окружающей среды, права женщин, свободу совести, права человека в развивающихся странах и пр. Они не идеологизированы, не делятся четко на левых и правых, преодолевают типичные идеологические дуализмы прошлого.

Деятельность ограниченного числа этих активистов создает «новую культуру мира», они генерируют прогрессивные идеи и через гражданское общество, более восприимчивое к новым идеям, и не зависящее от политических циклов и влиятельных групп интересов, добиваются их реализации. Творческий и интеллектуальный потенциал общества безграничен и не должен не использоваться при принятии решений.

Из этого нового понимания функций глобального гражданского общества вытекают новые стратегические задачи и сферы деятельности гражданского общества на локальном и глобальном уровнях.

Все большее признание получает собственная функция гражданского общества, связанная, как отмечает Р. Коуз, с выявлением и выдвижением на повестку дня т.н. «внешних эффектов», не улавливаемых политической или рыночной сис-

темой. Это не лоббирование, а т.н. «advocacy» — продвижение интересов, которые оказались за пределами сложившейся системы. И гражданскому обществу нужно добиваться согласия различных групп, которые могли бы быть заинтересованы в решении этих глобальных вопросов.

Как отмечает В. Тупикин: «Очень важно, чтобы существующие сегодня экологические, профсоюзные, правозащитные, феминистские, антивоенные, медийные и прочие общественные инициативы и их участники понимали, что они не одни, что во многом их интересы сходятся, что они могут сотрудничать друг с другом, помогать друг другу, да и просто дружить. Только это, нормальные человеческие отношения — рука об руку, — и можно сегодня противопоставить машине государства и капитала» [14].

В XXI веке гражданское общество уже не рассматривается как панацея от авторитаризма, современному гражданскому обществу необходимо оправдать свой авторитет, легитимность и способность добиваться прогрессивных социальных изменений.

Н.С. Юханов
Российское гражданское общество:
общее, особенное, единичное

В российском обществоведении до сих пор не стихают дискуссии в отношении целесообразности построения в России институтов гражданского общества, в формировании которого огромное значение играет само государство, стремящееся «сверху» контролировать развитие российского третьего сектора. Первые лица всегда предпринимали шаги по созданию системы управления общественными инициативами, что в 2001 г. привело к созданию «Гражданского форума». Подписанный В. Путиным в конце сентября 2004 г. Указ о поддержке правозащитного движения тоже обозначил пролонгацию процесса «встраивания» институтов гражданского общества в моноцентрическую систему власти.

В октябре 2004 г. создан Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека во главе с Э. Памфиловой, который также носит демонстративный характер, как и аппарат полномочного представителя Президента по правам человека, в руководстве которого в регионах сидят бывшие военные и выходцы из спецслужб, занятые в основном подготовкой специальных отчетов. С 2005 г. была создана Общественная палата РФ, которой отводится центральное место в новой системе государственной поддержки институтов гражданского общества, грантовой поддержке лояльных федеральной власти организаций.

Вопрос об эффективности выбранной модели взаимоотношения власти с обществом остается открытым. Перспектива дальнейшего развития институтов гражданского общества лежит за пределами сформированных в предшествующие годы институтов и заключается в возможности построения диалога с новыми автономными социальными акторами, которые начинают заявлять о себе, выходя за пределы специально отведенного государством загона для общественных организаций.

Новый общественный запрос и новые социальные движения. В последнее время в российском обществе прослеживается появление признаков, которые

дают основания предполагать о начале процесса формирования нового общественного запроса. В России начинает расширяться слой политически активных граждан, которые защищают свои права в тех сферах, которые касаются улучшения качества жизни.

Адаптированный к рыночным реформам субъект перестал думать о выживании, уровень его благосостояния за последние несколько лет вырос. Характерная черта формирующегося запроса — его «гражданственность», он возникает снизу и исходит из конкретных проблем.

Наше исследование информационного поля региональных СМИ за 2006—2009 гг. показало, что в России стали стихийно возникать новые активные группы граждан — объединение происходит вокруг конкретной локальной проблемы, вокруг специфических интересов, которые граждане вынуждены защищать.

К примеру, движение «Свобода выбора» было создано в мае 2005 г. инициативной группой автомобилистов приграничного с Японией Приморского края после акции протеста против запрета автомобилей с правым рулем. Организовываясь вокруг проблемы запрета ввоза в Россию автомобилей с правым рулем, сетевая структура движения охватила всю страну и за небольшой промежуток времени научилась отстаивать свои права. Наиболее крупные ячейки появились в Москве, Санкт-Петербурге, Улан-Удэ, Новосибирске, Кемерово и т.д.

Также точно стали появляться по всей стране различные организации жильцов и обманутых соинвесторов жилья, которые стали выступать как резко против градостроительной политики, монополии государства в сфере реформ ЖКХ, конкретных точечных застроек, принудительного переселения и махинаций с недвижимостью. Эти организации крайне эффективно, а иногда бескомпромиссно вступают в борьбу с государством за свои права. К примеру, движение «Мое жилье», выступающее против реформы ЖКХ, действует в Москве, Санкт-Петербурге, Архангельске. Представители движения проводят акции протеста во всей стране и принимают участие в депутатских слушаниях в региональных парламентах.

Обращают на себя внимание и новые экологические движения — все они появляются на местах и фокусируются на одной локальной проблеме, а потом, добившись результатов, начинают быстро расти.

К примеру, движение «Байкальская экологическая волна» появилось в 2006 г. в связи с протестом жителей озера Байкал против прокладки нефтепровода компанией «Транснефть». Акции носили такой массовый характер, что в нее стали постепенно включаться политики регионального и федерального уровней. Движению удалось добиться решения о прокладке нефтепровода в обход озера Байкал.

Стоит отметить, что новые движения, появляясь в конкретном регионе, за короткое время приобретают колоссальный размах. Почти все новые социальные движения вырастали из совместных коллективных действий. Новые организации, объединенные по сетевому признаку вокруг конкретных проблем граждан, больше пользуются пониманием и поддержкой у населения, чем традиционные правозащитные организации.

Рассмотрим на примере профсоюзных движений особенности трансформации российского гражданского общества.

В настоящий момент профсоюзное движение в России переживает серьезные изменения. Федерация независимых профсоюзов (ФНПР) стремительно теряет популярность в рабочей среде и постепенно уступает свои позиции новым альтернативным профсоюзам, возникающим преимущественно на крупных предприятиях вследствие острых конфликтов наемных рабочих с руководством этих предприятий.

Кризис ФНПР. Основные причины падения доверия к структурам ФНПР — сложившееся в рабочей среде представление, что официальные профсоюзы фактически защищают интересы работодателей, а не наемных рабочих, что они не готовы к работе в новых условиях из-за старения кадров и отсутствия новых идей.

В 2008 г. власть, понимая неадекватность ФНПР современным вызовам, начинает активно сотрудничать с крупными альтернативными профсоюзными федерациями. Происходит диверсификация ресурса политической поддержки профсоюзных федераций, выстраивается работа со всеми значимыми и адекватными субъектами рабочего движения на фоне постепенной утраты ФНПР своей монополии на диалог с властью.

В самих профсоюзах, входящих в ФНПР, растет опасение, что они могут окончательно потерять свое влияние. Поэтому они начали активно добиваться сотрудничества с независимыми профсоюзами в обход ФНПР. В 2007 г. зампред ФНПР Олег Нетеребский создал в рамках профсоюзной федерации эффективную параллельную структуру, получившую название Координационный комитет солидарных действий, который объединил силы, стремящиеся к модернизации ФНПР за счет омоложения кадров. Новые профсоюзные ячейки ФНПР стали появляться на предприятиях и успешно конкурировали с независимыми профсоюзами. Однако в конце 2008 г. сторонников модернизации оттеснили от руководства, а их инициативы стали блокироваться. Фактически попытка реформировать ФНПР сверху оказалась провальной.

Подъем независимых профсоюзов. Изначально независимые профсоюзные движения стали появляться на предприятиях с иностранным капиталом («Форд», «Нестле», «Кока-кола»). Сегодня данная тенденция наблюдается в масштабах страны. Если еще в 2005 г. этот тренд в наибольшей степени был характерен для регионов Северо-Западного ФО, то уже в 2008 г. он стал общефедеральным. Наиболее громкими и резонансными стали забастовки на заводе «Форд» во Всеволожске (Ленинградская область), на «АвтоВАЗе» в Тольятти (Самарская область), на СУБРе (предприятие РУСАЛа) в Североуральске (Свердловская область), на РЖД (Москва и Московская область).

Забастовщики фактически смогли добиться поставленных целей — повышения зарплаты. Достигнутый успех привел к резкому росту авторитета независимых профсоюзов и их лидеров, доказавших свою эффективность в деле отстаивания интересов рабочих.

С 2005 г. независимые профсоюзы в России активизируют свои усилия по борьбе за права трудящихся.

В настоящий момент их деятельность зафиксирована в 28 субъектах Российской Федерации. Широкое освещение мировыми СМИ забастовочной активности

европейских и американских профсоюзов, а также радикализация протеста российских независимых профсоюзов, получивших мощный резонанс в национальном информационном поле (почти пятикратное увеличение индекса упоминаемости за последние два года), стали серьезным образом влиять на общественное мнение. И с каждым годом позиции независимых профсоюзов усиливаются.

Во многом феномен новых профсоюзов связан с все более усиливающейся тенденцией к монополизации российской экономики, которая обеспечивает диктат чиновников и работодателей, способствуя еще большей политизации деятельности независимых профсоюзов. С 2007—2009 гг. идет полномасштабная кампания давления на «профсоюзных активистов», которая инициируется отечественными работодателями.

Мировой кризис и альтернативные профсоюзы. Мировой кризис, вопреки расчетам руководства альтернативных профсоюзов, существенно ослабил трудовое движение. Власть, под воздействием внешних обстоятельств, старается проводить еще более консервативную политику. Развязанная борьба внутри аппаратов альтернативных федераций труда приводит к расколу ряда оппозиционных профсоюзных организаций, руководство которых в докризисное время получило финансовую поддержку властей. В 2009 г. почти все конфликты возникали на почве перераспределения государственных средств, но начинали стремительно политизироваться.

Главная проблема на пути сотрудничества государства с профсоюзами — непонимание властью специфики развития альтернативного профсоюзного движения на местах. Попытки встроить независимые профсоюзы в вертикаль захлебываются.

Власть не использует диалоговую модель, не понимая, что можно легко подчинить аппараты, но на выходе получить мощный социальный протест в рабочем движении, где формируется когорта так называемых «несгибаемых рабочих лидеров», готовых укреплять солидарность протестного рабочего движения, идя на вынужденное разрушение своих организаций.

Отстояв самостоятельность, данные профсоюзы во второй раз быстрее отстроят еще более сильные профсоюзные организации. Проблема заключается в том, что до сих пор уровень солидарности и самоорганизации внутри рабочего движения остается крайне низким.

Стремление государства соблюсти демократическую процедуру при жестком контроле политико-социальной сферы будут способствовать росту протестных выступлений, что становится характерным уже с конца 2004 г., когда правительство пыталось провести монетизацию льгот и реформу ЖКХ. Конфликт усугубляется отсутствием механизма артикуляции и защиты интересов различных социальных групп.

Д.Б. Казаринова
Европейское гражданское общество:
проблема становления

На сегодняшний день вопрос о существовании и степени развития такого феномена, как европейское гражданское общество, остается открытым.

В теории гражданского общества много внимания уделяется типу социального контракта, определяющему фактору в развитии гражданского общества в рамках национального государства [1. С. 54—55]. В ряде европейских стран, например во Франции и Великобритании, исторически сложился горизонтальный тип социального контракта, в других странах «старой» (например, в Испании) и «новой» Европы — вертикальный. На общеевропейском уровне формируется горизонтальная или «локковская структура социального контракта, когда государство привлекается в качестве агента для обеспечения тех прав, о которых договорились люди и разные группы населения» [1. С. 66].

В случае ЕС, правда, речь идет не о государстве, а о наднациональных властных структурах, тем не менее, гражданская политическая культура, на которой зиждется такая система отношений европейской власти и европейского общества, является важной для понимания институционального развития ЕС.

В связи с этим ключевым является вопрос о собственно европейском гражданстве, формально учрежденном в 1990-х Маастрихтским и Амстердамским договорами. Однако для признания европейского гражданства де-факто необходимо, чтобы люди ощущали свою причастность к Европе как единому целому. Более того, причастность к Европе должна стать не только внутренним ощущением каждого жителя ЕС, но и манифестироваться в сфере публичной политики.

Интересные данные были получены в ходе опроса европейцев о смысловом насыщении понятия «европейское гражданство». На первом месте оказалась идея гармонизации систем социального обеспечения (39%), далее — совместная деятельность по предотвращению стихийных бедствий в Европе и мире (24%) и наличие института напрямую избираемого президента ЕС (20%) [13].

В то же время ощущение себя европейцем и вера в существование общей культурной идентичности всех европейцев не так тесно взаимосвязаны, как это может показаться на первый взгляд. Таким образом, можно предположить, что появление единого «чувства сообщества», о котором говорил К. Дойч в работе «*The Analysis of International Relations*» и которое представлялось последователям теории коммуникации «качественным скачком» на пути к интеграции, в настоящее время проходит этап становления.

Чувство сообщества начинает оказывать существенное влияние на политическую сферу, когда оно манифестируется в сфере публичной политики. Сегодня, по опросам общественного мнения, ключевыми элементами европейской идентичности являются не столько культурная, сколько экономическая составляющая: 1) единая европейская валюта — евро (40%), 2) демократические ценности (37%), 3) общность истории (24%), 4) успехи европейской экономики (23%), 5) культурная общность (22%), 6) географическая общность (17%) [13].

Но зарождение «чувства сообщества» не означает автоматического появления общеевропейского гражданского общества.

По мнению немецкого специалиста Ю. Коки, «гражданское общество и сегодня все еще в большой степени остается в рамках национального государства. Мы далеки от общеевропейского — и тем более от глобального — гражданского об-

щества. Этому есть множество причин, я хотел бы назвать одну из них. Гражданское общество тесно связано с публичным пространством, с публичностью. Публичность всегда является также коммуникацией. Для коммуникации необходим общий язык. Многоязычность Европы представляет собой труднопреодолимую преграду, которая стоит на пути возникновения общеевропейского гражданского общества» [3].

Противоположное мнение высказывает известный политолог-европеист З. Лайди, утверждающий, что «европейская политическая жизнь реально существует» [4]. Свидетельством перехода в область публичной политики процесса формирования наднациональных политических институтов стал широкий общественный резонанс, который повлекли результаты выборов в Европарламент в 2009 г. Уровень интереса к европейским выборам неуклонно растет (в 2009 г. более половины граждан ЕС — 51% [10] — высказали свою заинтересованность).

Что касается коммуникации и проблемы общего языка, то в связи с этим европейскими интеллектуалами и обществоведами развивается теория о том, что для формирования европейской идентичности необходим единый язык Европы, который был бы понятен всем европейцам — современная *lingua franca* — английский язык [5. С. 362].

Проблема коммуникации в контексте гражданского общества тесно связана с проблемой доверия: доверия межличностного и доверия к властным институтам. По данным исследований Института сравнительной политологии, в западноевропейских странах уровень межличностного доверия в 3—3,5 раза выше, чем в России. Несмотря на глобальный экономический кризис, повлиявший на социальное благополучие европейцев, уровень доверия к европейской власти не изменился: ей по-прежнему доверяют около половины населения ЕС, а 40% относятся с недоверием, уровень доверия к национальным властям даже несколько вырос [11].

Зачатки европейского гражданского общества институционализируются в общеевропейских группах интересов, действующих через такие институты, как ЭКОСОС и Комитет регионов.

В настоящее время на европейском уровне работают ряд гражданских организаций: Европейская конфедерация профсоюзов (ETUC), под эгидой которой работают другие европейские профсоюзные организации EUROCADRES и EFREP, является одним из европейских социальных партнеров, признанных Евросоюзом и Советом Европы, и единственной представительной кросс-секторальной профсоюзной организацией на европейском уровне, целью которой является Европейский Союз с сильной социальной составляющей.

Среди других общеевропейских организаций Европейская арабская лига, Европейская служба гражданского действия, Euro Citizen Action Service (ECAS), созданная в 1990 г., которая является консультативным бюро для европейских граждан.

Таким образом, можно сделать вывод, что европейское гражданское общество находится на этапе становления. Для его развития существует ряд объективных предпосылок: горизонтальный тип социального контракта, зарождающееся «чув-

ство сообщества», реальное насыщение смыслом понятия «европейское гражданство», высокий уровень межличностного доверия и доверия к властным институтам.

В то же время на пути развития общеевропейского гражданского общества стоит ряд препятствий: проблема коммуникации и превращения европейской политической среды в полноценную сферу европейской публичной политики.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аузан А.* Три публичные лекции о гражданском обществе. — М.: ОГИ, 2006.
- [2] Интервью с Д. Кортенем // *Забелин С., Кортен Д., Медоуз Д., Норберг-Ходжс Х., Шуберт К.* Глобализация или устойчивое развитие. Сборник статей. — Социально-экологический союз, 1998.
- [3] *Кока Ю.* Европейское гражданское общество: исторические корни и современные перспективы на Востоке и Западе // *Неприкосновенный запас*. — 2003. — № 2 (28).
- [4] *Лайди З.* Выступление на Международном круглом столе «Нормативная сила» ЕС на мировой арене». — Москва, ГУ-ВШЭ. — 09.06.2009.
- [5] *Хаттон У.* Мир, в котором мы живем. — М., 2004.
- [6] *Хомский Н.* Прибыль на людях. — М.: Праксис, 2002.
- [7] *Citizenship and Identity / The 2009 European Elections. Special Eurobarometer 303*. — April 2009.
- [8] *Commission of the European Communities // Report on The EU's Strategic Partnership with the Mediterranean and the Middle East*. — Euromed Report. — June 24, 2004. — Issue № 78.
- [9] *Perlas N.* *Shaping Globalization: Civil Society, Cultural Power and Threefolding*. — New Society Pub, 2003.
- [10] *The 2009 European elections // Special Eurobarometer 69.2*
- [11] *Trust in the European Union / The Europeans in 2009 // Special Eurobarometer 308*. — July 2009.
- [12] Данные Европейского социального исследования ценностей 2007 // <http://www.ess-ru.ru>
- [13] Данные исследования ИС РАН «Российская повседневность в условиях кризиса» — М., 2009. Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов. Аналитический доклад // www.isras.ru/index.php?page_id=1104
- [14] *Тупикин В.* Что такое «антиглобализм» и почему он очень важен для постсоветского протестного движения // <http://informational.2084.ru/vlad.htm>

THESES OF THE ROUND TABLE: «CIVIL SOCIETY: THEORY AND MODERN PRACTICE IN WORLD'S AND RUSSIA'S DIMENSIONS»

The Department of Comparative Politics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

On 15 of September 2009 at the Faculty of Humanities and Social Sciences of the RPFU was held the «round table»: «Civil Society: Theory and Modern Practice in World's and Russia's Dimensions». This event was prepared by the Department of Comparative Politics of the RPFU.

Key words: civil society, political modernization, democratization, political process.